

А.В. Худенко (Одесса)

Событие удовольствия

Всякий раз, переживая удовольствие, мы срываемся. Срываемся, когда вдруг решаемся сесть на диету и когда, не в состоянии удержаться, нарушаем ее правила; срываемся, когда в мгновение становимся участниками события, забыв о роли стороннего наблюдателя. В этом «срыве» нет картинной статичности. Здесь драматичная сцена, в которой удовольствие пребывает в глаголе становления. Оно переживается в «срыве» как водовороте становления, который в своем ритме формирует материал удовольствия, потом доступный для наслаждения или страдания. Ритмика удовольствия состоит исключительно в амбивалентности, пунктирном изображении и бесконечности ссылок; в единстве сопряжения отдельных подробностей, в котором рождается, испытывается и усиливается единственность живой самости. Об удовольствии следует говорить как о событии, пребывающем в диалоговом становлении.

1. Глагол удовольствия.

Удовольствие (это феномен человеческого существования. Именно та уникальная конституция жизни, которая определяет человеческое в человеке. «Человеческое» (это не *что*, а *как*. Поэтому, вероятно, нельзя ответить на вопрос «что есть удовольствие?». Вопрос же «как есть удовольствие?», или о глаголе человеческого, представляется более адекватным в контексте рассуждений о феномене человеческого существования.

Весь вид глагола сводится к одному – *быть*. При этом привилегия *быть* выражается в предоставлении места существительному «человек». Функция глагола состоит в «потрясении» человека и помещении последнего в промеж. Только в этой межде впервые и решается, *что* есть человек, и где водворит он свою самость. В удовольствии есть что-то от неуправляемого бунта человека против того, что пугает его, против того, что угрожает ему извне и изнутри. Горечь, печаль, боль, опутывающие плоть, вызывают живой протест и беспокоят, будоражат, будят (нудят желание и отправляют его в путь.

Удовольствие сродни путешествию: в глаголе шествия таится энергия, которая только в пути открывается возможностью существительного *быть*. Являясь волей и виной удовольствия, глагол суть деяние, которое в довольстве довольствует уже наличное. В этой связи, удовольствие не просто калькулирование впечатлений, но заботливость в обращении с уже данным, и его довольствие к полноте и удоволью.

Глагол удовольствия, становящийся существительным, длиться в пути предшествования и ожидания грядущего: не есть просто обмен, перемещение (в безвременье, но во времени сопряжение данного и заданного. В своей тождественности удовольствие скудно: акцентирование уже прошедшего или грядущего производит нужду; боль или радость, смех или слезы (мертвят. Событие, свершающееся в мгновение ступания на след минувшего в ожидании грядущего, богато дарами. Избыточность не позволяет расслабиться. Напротив, она взывает к решительности продолжения шествия с правом вернуть долг: ответить на обязательство *быть*.

2. Подробности удовольствия.

Тело испытывает удовольствие не в том, что оно причинно упорядочено и самотождественно, но том, что в удовольствии равно всему (рассеянным наличностям питания, плодородия, убежища (дается неотстраняемое место обитания. В нем они вмещаются и кор-

мятся, плодятся и хранятся. И только в этой множественности отдельных подробностей дана жизнь. Естество живого (в подробностях жизни. Данная множественность пребывает не столько в количестве: каждый предмет (будь то орган плоти или некая вещь) не является физическим, но жизненной подробностью, влекущей все естество живого. В основе подлинной множественности лежит избыточность, которая довольствует жизнь.

Действительно, человек по-разному живет (и столь же богато различиями его место обитания, передающее множество подробностей. При этом объем места создается не в пропорциональной слаженности наличного, а в его сопряжении в точке *homo*: в ней сопрягается (в обращении, борьбе и общении (множественность. В сопряжении каждая подробность оказывается сразу и снаружи, и внутри. Захваченная в едином движении человеческой плоти, она то откладывает себя и хранит потенцию движения, то на мгновение приобретает определенность (возвращается в артикуляции головы, ноги, руки, глаза, языка, уха, фаллоса, вагины ... и изливается в дыхании, влаге, крови, семени, воплощая радость либо печаль. При этом внутреннее и внешнее не предустановлены друг другу; не даны в нейтрализующей корреляции. Подробности жизни не сливаются в сплошь святящееся пятно, но пребывают в движении сопряжения: то попеременно, то друг за другом появляются и исчезают (трепещут в тени друг друга, повинувшись сопряжению. В этом трепетании (действие удовольствия. Оно довольствует плоть, нудит ее и заставляет изливаться (ликовать. В ликовании самость освобождается и утверждается в единственности своего живого тела.

3. Удовольствие и забота.

Нудит, прежде всего, рана. Она (разрыв плоти, из которой (раны) тело освобождается от формы плоти, чтобы предстать в наготе своей самостной очевидности. Поэтому в ране не только (вероятно, и не столько) боль, страдание (обреченность данного, но призыв, заданность и сила освобождения, утверждения самости.

Рану довольствует забота, чтобы удовлетворить и тело, не позволив ему осквернить себя в сладострастии, и плоть, не дав ей излиться и иссохнуть в разоблаченной наготе. Поэтому заботу заботит не плоть и не тело; она держит в натяжении рану. Озабоченность необходимостью довольства раны и заботливость как удовольствие тела и плоти потом позволяет позаботиться в удовольствии уже о себе.

В заботе рана сохраняет возможность удовлетворить самость. При этом такая возможность есть тогда, когда она принимается как возможность (открытость) и как таковая сохраняется. Сохранение же возможностей означает, во-первых, не допущение того, чтобы какое-либо состояние утвердилось как завершенная, абсолютная величина, и, во-вторых, поддерживая стремление к утверждению самости, освобождение ее от давления и воздействия ограничений, позволение ей удостовериться и усилить себя саму. Такое сохранение не возможно и вне оберегающего отношения к потаенности данного, и вне решительности, отваги, столь необходимых, чтобы лишить тайны сокровенное. Лишь в заботе пребывающее удовольствие с почтением довольствует данное: споспешествует его наполнению и освобождению.

В заботе удовольствие раны безопасит. Напротив, только лишь выставление пользы и гарантий не устанавливают никакой защиты: безопасность не в «латании» раны и не в позволении гарантированно безмерно истекать. «Безопасны мы лишь там, где не счита-

емся с беззащитностью, ни рассчитываем на основанную на волеии защиту. Безопасность существует лишь вне опредмечивающего отвращения от открытого, 'вне всякой защиты', вне отрешения от чистого натяжения. Таковое есть несслыханная середина всякого притяжения, которое втягивает все в безграничное и натягивает его к этой середине. Середина же (это то «там», где действует тяготенье чистых сил. Безопасность есть сокровенное упокоение в тяге целого натяжения» (Хайдеггер).

4. Время удовольствия.

Временность заботы складывает в длительность жизненные подробности, меняет радость и печаль, усиливает и прекращает смех и слезы. Во времени живое не остается равным самому себе: оно длит живое в другую жизнь. С одной стороны, это упорядоченное (космичное дление времени. В его «продольном» движении (за живым, с риском для живого, следует другое; время шествует из прошлого в будущее, наполняя жизнь свершениями и пресыщая ее, в конце концов. В «продольном» движении (время хронологично и скоротечно. В «поперечном», наоборот, время переполнено подробностями: ушедшее, либо еще не родившееся, покоит живых в забытии; настоящее мерится уже прошедшим и еще не наступившим грядущим.

В мгновенье сопряжения нарушается порядок времен. Удовольствие хаокометрично. В кайросе удовольствия прошлое предвещает будущее и продолжает его: будущее-в-прошедшем. Или продолжается то, что было обещано в будущем: прошедшее-в-будущем. Будущее и прошедшее чередуют друг друга: попеременно откладываются и вновь возвращаются. Прошлое (это не то, что сбылось и уже покоится, но то, что удерживается и нудит, требуя удовлетворения; будущее (не то, что еще не сбылось, а то, что еще, начиная с прошлого, доволит. В это мгновенье подробности в своей отдельности чередуются и трепещут в водовороте одно-временного живого.

В водовороте одно-временного удовольствие и памятью довольствует шествие, сохраняя прошедшее в грядущем, и в воспоминании удовлетворяет жизнь, чтобы она продолжалась. Без удовольствия жизнь (в забвении, в безвременье. В безвременье память, забывая воспоминание, достигает машинообразной внеположенности. В шествии подробности калькулируются и, в соответствии с принципом распознавания, распределяются, сохраняются в пространстве, оставаясь невостребованными. И воспоминание, забыв память, оставляет пережитое в вечном покое, в котором живое неминуемо прекращается.

В удовольствии прошедшее не только сохраняется в памяти, но и вспоминается решительностью усилий. Поэтому в удовольствии время (всегда вперед. Но не только в будущее, а и в настоящее, и в прошлое.

В решительности (не творение, но инициатива, проявленная в инициации как деле приобщения к данному. А инициативность доволит вдвойне: и выигрышем, и заслугой. В ней и часть опыта места обитания, и участь грядущего. Поэтому только участием преуспевают в деле. В участии берется кредит уже данного и выигрывается от вложенного: не только восполняется изыск к покою и довольству уже имеющегося, но и расширяет горизонт грядущего к удовольствию себя.

В удоволе (как говаривали в старину, и о чем свидетельствует «Словарь» Даля) (и свобода, и льгота, и досуг. В удовольствии не только пополняется убыток, наполняя жизнь законом, но и попустительствуется, потакается разрушению закона (его переоп-

ределению, возможностью определения иначе. Льгота возможности-иначе веселит и забавляет. Удовольствие выражает себя в шумности плясок и зрелищности пира. Праздник, в котором закон задабривают и потешаются над ним, (синоним удовольствия).

В участии лишь часть участия. В разделенной участи лежит путь участия в делах общих, совместных: в том, что касается, задевает, влечет (заботит каждого. Мастерство и искусство в совместных делах заслуживает удовольствия. И совместность одаривает участие событием праздника, в котором событие ликует. Ликование оставляет след, который определяет историчность, временность пути-шествия удовольствия. Именно поэтому время удовольствия (его не количественный отсчет, а совместность проживания, в месте, вмещающем и кормящем живого).

5. Удовольствие от смерти.

Участию благоволит судьба только тогда, когда дает смерти стать властной в нем. Не-обходимость смерти означает, что мы уже схвачены тем, что есть нечто совершенно иное, отличное от «я». И это иное всегда уже имеется в месте обитания. Оно живое. Уже в творении мир предстает рассеянным на множество отдельных живых «я». В платоновском «Софисте» Чужестранец мыслит небытие не как абсолютную небытийственность или как простую противоположность бытия, но как зов другого живого. Другой находится там, откуда приходит смерть. Поэтому «чужестранец» / другой уже своим присутствием подтверждает то, что абсолютного *ничто* не существует. В признании смерти (эпифеномене *ничто*) устанавливается факт присутствия отдельного другого (не двойника или зеркального отражения «я», не *alter ego*), который взламывает автономность «я». Поэтому «я» довольствуется собой и появляется из плотской формы только инаковостью другого, его отдельностью и незаменимостью. И именно другой (не воображаемый Другой) довольствуется жизнью, и определяет ее полноту: делает жизнь достойной избрания. Принимая не-обходимость смерти и довольствуясь ей, человек достоин жизни и обладает достоинством.

Смерть не конец бытия, но разрыв, который сопрягает подробности, и выступает событием обращения, борьбы, общения с другим. В событии смерти человек отказывается от бездумного умиротворения плоти. Обращением другого она испепеляется, и довольствуется освобожденной энергией, которая только и дает человеку силу *быть*. Его самость, таким образом, в бесконечной зависимости от обращения к другому. И он (уже обращенный, в «чистоте») винится другим, а потому задан обращаться к нему, или ответственен другому. В обращении *per se* и состоит суть деяния. Это (не труд, в котором энергия экономится, калькулируется и сохраняется, но ликование Эроса: энергия, освобожденная в даре смерти, в борьбе распределяется и усиливается в общении, как модуль сопряжения множественности пред единством дарованного. Обращение, распределение, сопряжение, в которых является сила существительного *быть*, маркируют событие диалога, где и пребывает удовольствие.

Данное событие (это то, что имеет место. Поэтому событие диалога немислимо из бытия совместности: диалог не есть коммуникация, как взаимодействие в пространстве *communis*. В диалоге («сотня глубоких одиночеств» (Ницше), которая покоит и нудит. Поэтому, как подчеркивает Нанси, «нужно отважиться утверждать, что бытие является бытием-в-месте, никогда не будучи всеобщим»). Отвага, к которой призывается, в том,

чтобы утверждать: совместность имеет место только в событии диалога. Диалог запускает время совместного проживания. В нем оставшийся след от пережитого обращения, которое наступает грядущим обращением.

Надо только обратиться к другому и испытать его обращение, чтобы посетила радость или печаль, разразился смех или пролились слезы, открылись наслаждение и боль. Скучна инструкция... но сколько усилий для этого надо, чтобы довольствоваться полнотой жизни.

Л.П. Морина (Санкт-Петербург)

Перекресток: тело

Троекром является факт, что Я существует в пространстве человеческого тела, и наши самоощущения образуются в форме телесных переживаний. Создавая человека, Бог допустил соединить со смертным телом бессмертное начало души, а также «смертный вид души, вложив в него опасные и зависящие от необходимости состояния: для начала – удовольствие, эту сильнейшую приманку зла, затем страдание, отпугивающее нас от блага, а в придачу двух неразумных советчиц – дерзость и боязнь – и, наконец, гнев, который не внемлет уговорам, и надежду, которая не в меру легко внемлет обольщениям. Все это они (божественные существа – Л.М.) смешали с неразумным ощущением и с готовой на все любовью и так довершили по законам необходимости смертный род души». (Платон. Тимей, 69 d).

Тело присоединяет человека к миру, определяет его потребности, формирует его способности и средства адаптации. С помощью тела человек выражает себя в мире и реализует собственные задачи и потребности. Посредством телесной динамики человек наполняет свою деятельность смыслом, выражает свое отношение к миру. С помощью жестов, мимики, движения человек открывает смыслы мира, обнаруживает их значимость для себя. Телесность обладает гедонистическими интенциями на разных уровнях: от чисто физического до метафизического.

Телесное движение направлено на реализацию определенной цели, определенных потребностей. Столь велика компенсаторная сила движения, что она может доставлять большое удовольствие и наслаждение. Стоит обратить внимание на самозабвенно играющих животных и людей, – становится понятно, что они скорее откажутся от каких-то других соблазнов, чем прекратят играть.

Удовольствие есть мерка позитивной степени реализации внутренней идеи во внешнем динамически-телесном образе (логос и эйдос). Телодвижение есть активная, экспансивная характеристика организма. Она связана с телесной самоидентификацией, телесным самосознанием, телесным Я человека.

Тесное единство телесного опыта и образа Я было показано еще З. Фрейдом. Понятие телесного переживания заняло достаточно большое место в его теории, поскольку фиксация интереса в определенной зоне тела, «локализация либидо» служила отправной точкой в развитии его-структур и формирования характера определенного типа.

С. Фишером и С. Кливлендом введено понятие «граница образа тела», которое определяет степень «твердости» или «размытости», «проницаемости» границы между

внутренним и внешним, перемещение локализации некоторых событий из одной области в другую. Как известно, Фрейд рассматривал шизофрению как следствие нарушения границы телесного образа, в результате чего воздействия внешнего мира ощущаются легко проникающими внутрь тела. Таковы случаи, напр., «окаменения» пациентов, наблюдающих горный ландшафт.

Воспринимая организм в единстве его материальной и идеальной составляющих, как единство природного и социокультурного, можно, весьма условно, выделить уровни потребностей и, соответственно, провести гедонистическую типологию.

Платон пишет, что, создавая мир, demiург воспользовался причинами вещей для их стремления к благу. То есть положил стремление ко благу как внутренний смысл их собственного бытия. Он выделил два вида причин – «необходимые» и «божественные», среди которых вторые являются явно приоритетными, т.к. обеспечивают возможность «стяжать для себя блаженную жизнь», «то единственное, о чем мы печемся». Озабоченность причинами первого порядка является подчиненной.

Анализируя структуру души и ее влечения, он пишет, что смертную душу, способную осквернить божественное начало, выделили в отдельную часть тела (грудь и туловище). Самую изменчивую, вожделенную ее часть посадили на цепь подальше от разумной души, как «дикого зверя, которого невозможно укротить, но приходится питать ради его связи с целым, раз уж суждено возникнуть смертному роду», разобзив ее тем самым с божественной душой, расположенной в голове.

Рассуждая о двух типах удовольствия, Платон говорит о том, что есть «евфросине» («гедоне»). Отличие между ними состоит в том, что первое относится к высшему наслаждению, связанному с ощущением божественного, а второе, напротив, это чисто человеческое, чувственное, низкое удовольствие.

Прикоснуться к истине и обрести бессмертие и истинное блаженство может только философ, стремящийся к высшему благу. Остальным свойственно физическое удовольствие, в высшей степени тем, кто погряз в вожделениях и тщеславии и тем самым приумножающим в себе смертное начало.

«Вообще говоря, есть только один способ пестовать что бы то ни было – нужно доставлять этому именно то питание и то движение, которое ему подобает». (Там же, 90 с) Удовольствие достижимо на пути встречи / взаимодействия подобного с подобным. Это «соответствует общему движению во Вселенной, где все движется по направлению к тому, что ему родственно» (Там же, 81 b).

Многотысячелетняя история существования жизни на земле привела к формированию диспозиций всего живого, что означает природную восприимчивость и предуготовку к определенному поведению.

Организм взаимодействует с внешним миром либо страдательно, либо активно-экспансивно. Согласно мнению Платона, существуют два гедонистических типа, производимые от двух противоположных причин: *воздействие извне* на организм вызывает удовольствие, когда производимые им действия соответствуют интенциям объекта, подобны объекту воздействия. *Активное действие изнутри*, уподобляемое божественной гармонии, возвышение души. Последнее говорит об удовольствии самореализации организма, связано с его потребностью собственной трансценденции.